Национальный психологический журнал №2(14)/2014, 5–12
Оригинальная статья
National Psychological Journal #2(14)/2014, 5–12
Original Article

УДК: 159.9:316.663.5 316.77 316.647
doi: 10.11621/npj.2014.0201

Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция

А.И. Донцов Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Е.Б. Перелыгина Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия
Л.П. Караваева Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

Поступила: 27 марта 2014/ Принята к публикации: 20 мая 2014

Intercultural interaction and social distance

Alexander I. Dontsov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Elena B. Perelygina Humanities University, Yekaterinburg, Russia
Ludmila P. Karavayeva Humanities University, Yekaterinburg, Russia

Received: March 27, 2014 / Accepted for publication: May20, 2014

Активизация межкультурных взаимодействий делает актуальным изучение представлений об оптимальной социальной дистанции и перспективах вхождения в межкультурную профессиональную группу. Формирование социальных представлений и стереотипов кросс-культурной совместимости, эмоциональных предпочтений и поведенческого выбора в значительной степени происходит в вузовской среде. Исследование параметров социальной дистанции в процессе межкультурной коммуникации в студенческих группах различных высших учебных заведений показало, что студенты в подавляющем большинстве позитивно относятся к мультикультурным дружеским связям.
Близкие к этим оценкам студенты продемонстрировали позитивное отношение к перспективе работать в многонациональном коллективе с различной трудовой этикой, установками и ценностями. При этом эмоциональные предпочтения студентов в случае возникновения мультикультурных ситуаций в группе уже не столь позитивны, а изучение возможности сокращения социальной дистанции посредством межнациональных брачно-семейных отношений продемонстрировало тенденцию к негативной мультикультурной терпимости.
Исследование кросс-культурных предпочтений студенческой молодежи в различных городах нашей страны показывает перспективность диалогических форм в интерпретации групповой совместимости и потенциал обусловливания мультикультурных структур взаимопонимания и взаимопринятия смысловым наполнением социальных представлений и определения ин-групповых привилегий. Развитие кросс-культурной когнитивной системы с включением постнеклассического дискурса, субъективного опыта взаимодействия в мультикультурной среде дает возможность выбора коммуникативных и поведенческих стратегий. Развитие теорий лингвистического детерминизма обосновывает связь языка и мировоззрения, картины мира и лингвистической особенности его восприятия, включение в мировосприятие национальной значимости явлений культуры. Преодоление социально-коммуникативных барьеров, реализация объективной потребности в межкультурном диалоге создает условия для оптимизации принятия Другого, рационализации социокультурных особенностей и уровня их приемлемости, совершенствования алгоритма кросс-культурных взаимодействий.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, совместимость, национальная идентичность, кросс-культурные предпочтения, кросс-культурная компетентность, социальная дистанция.

Intensification of cross-cultural interactions naturally actualizes the insight into optimal social distance perceptions, prospective entering into an intercultural professional group. Social expectations and stereotypes of cross-cultural compatibility, emotional preferences and behaviour choice are largely shaped in tertiary education environment. The study of social distance parameters in the course of cross-cultural communication among student groups from several higher education institutions demonstrated dominant positive attitude towards intercultural friendship. Similar to this was students' assessment of prospects for working in a multinational team with different labour ethics, attitudes and values. However, emotional preferences in cases involving multicultural situations in a group are not that positive, while the examination of social distance shortening through intermarriage showed a tendency towards negative multicultural tolerance. A possibility to develop multicultural competence while receiving tertiary education is closely connected with acceptance of "others" and the nature of reacting in the communication process. The analysis of cross-cultural preferences among students from several Russian cities indicates the potential of interlocutory forms for group compatibility interpretation. It also shows prospects for multicultural understanding conditioning and mutual acceptance of semantically loaded social perceptions and in-group privileges determination. Development of cross-cultural cognitive system, which includes post non-classic discourse, subjective experience of interaction in multicultural environment, provides the opportunity to choose communication and behaviour strategies. Elaboration of linguistic determinism theories substantiates the link between the language and the world outlook, the world-image and linguistic peculiarities of perceiving it, comprising significance of national culture in one's world view. The overcoming social and communicative barriers, the realization of objective need for intercultural dialogue will create conditions to optimize acceptance of the "Other" concept, to rationalize socio-cultural peculiarities, and the level of their accessibility, to perfect the algorithms of cross-cultural interactions.

Keywords: intercultural interactions, cohesion, national identity, cross-cultural preference, cross-cultural competence, social distance.

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

В России и других странах постоянно происходят процессы кросс-культурного взаимодействия, коммуникации и взаимопроникновения культур на уровне межличностного общения, брачно-семейных отношений, образовательных институтов, политических и экономических контактов. Будущие субъекты профессиональной деятельности вырастают и формируются в студенческих группах в период обучения в институтах и университетах. Именно здесь они, помимо освоения профессиональных компетенций, при наличии мультикультурной среды проходят школу кросс-культурного общения.

В процессе межкультурной коммуникации и совместной деятельности в студенческой группе возникают векторы кросс-культурной совместимости (или несовместимости) как результат влияния национального статуса, социокультурной ситуации, эмоциональных предпочтений, ценностей, особенностей межкультурных связей и т.д.

В процессе межкультурной коммуникации и совместной деятельности в студенческой группе возникают векторы кросс-культурной совместимости (или несовместимости) как результат влияния национального статуса, социокультурной ситуации, эмоциональных предпочтений, ценностей, особенностей межкультурных связей

Ряд специалистов придерживаются трактовки межкультурной коммуникации как процесса «общения людей, представляющих разные культуры, в том числе и профессиональные» (Большакова А.С., 2011, С. 110).

Для изучения специфики межкультурных связей и характеристик социальной дистанции студентов нами в 2013 г. было проведено исследование, в котором приняли участие 266 студентов 1-5 курсов высших учебных заведений из различных регионов России (Красноярск – 58 чел., Москва – 73 чел., Екатеринбург – 81 чел., Пермь – 54 чел.). В исследовании были использованы:

- опросник, основанный на шкале Э. Богардуса (вариант А.Козлова) с определенной модификацией, для выявления вида межкультурных связей с представителями других национальностей;
- методика В. Фейя «Диагностика принятия других» для выявления типа социальной дистанции.

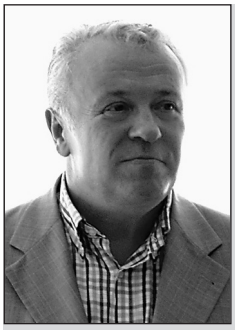
Обсуждение результатов

Характер распределения ответов респондентов на вопросы по шкале Э. Богардуса следующий (табл. 1, рис. 1-5):

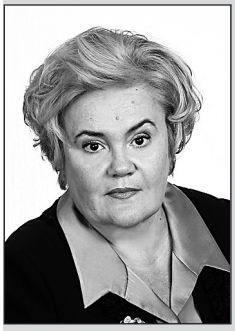
Оценивая возможность заключения брака с представителями других национальностей, большинство респондентов, независимо от принадлежности к региону, ответили «нет», причем больше отрицательных ответов оказалось у представителей студенчества Москвы;

Отвечая на вопрос о возможности иметь друзей среди представителей других национальностей, большинство респондентов, независимо от принадлежности к региону, ответили «да». Лишь представители студенчества Москвы более осторожны в своих суждениях по этому поводу: доля ответов «нет» у них значительно выше, чем у представителей других регионов (вероятно, мы наблюдаем конкретную ситуационную обусловленность – в Москве имели место крупные теракты и вероятность их до сих пор не исключается ее жителями). Не случайно в литературе указывается, что «общественное сознание еще не адаптировалось к восприятию современных рисков». (Zinchenko Y.P., Zotova O.Y., 2013, P. 110).

Оценка возможности работать с представителями других национальностей имеет тот же характер, что и оценка возможности иметь друзей среди представителей других национальностей: большинство респондентов, независимо от принадлежности к региону, ответили «да». Лишь представители студенчества Москвы вновь более осторожны в своих суждениях: доля ответов «нет» у них вновь значительно выше, чем у представителей других регионов;



Александр Иванович Донцов – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, Почетный Президент Российского психологического общества
E-mail: a.dontsov@mail.ru



Перелыгина Елена Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии, зав. кафедрой социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: elena_sutkina@mail.ru

Караваева Людмила Петровна – кандидат психологических наук, зав. кафедрой общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lyudmila_krv@mail.ru

© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

Оценивая возможность жить с представителями других национальностей, большинство респондентов, независимо от принадлежности к региону, ответили «да», причем больше положительных ответов у представителей студенчества Красноярска.

При оценке возможности испытать радость при появлении в студенческой группе студентов других национальностей большинство респондентов городов Красноярск, Екатеринбург, Москва ответили «да». Своеобразную автономию мы наблюдаем у представителей студенчества Перми: у них преобладают ответы «нет» (возможно, вновь имеет место конкретная ситуационная обусловленность – в Москве, Екатеринбурге и Красноярске всегда обучалось большое количество иностранных граждан, поэтому представители студенчества этих городов более толерантны и лояльны в своих ответах).

В целом представители студенчества крупных российских региональных центров позитивно оценивают перспективы совместного проживания, работы и обучения с представителями других национальностей, также позитивно они оценивают возможность дружбы с ними, а вот возможность заключения брака с представителями других национальностей большинство из них отрицает.

Относительно низкие показатели, полученные при ответах на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности, отражают и конструктивные, и деструктивные тенденции. Как отмечает Р.А. Багарян, «до сих пор остаются неразрешенными противоречия между:

- признаваемой сложностью супружеских отношений в межэтническом браке и их недостаточной социально-психологической изученностью;
- имеющимися исследованиями в области устойчивости отношений супругов в межэтническом браке и неполной психологической интерпретацией критических фаз семейного развития;
- опытом коррекции супружеских отношений в межэтническом браке и небольшим исследовательским опытом разрешения семейных кризисов, обусловленных этническими различиями супругов» (Багарян Р.А., 2009, С. 44).

Вопрос о возможности соседства с лицами другой национальности раскрывает не только готовность к систематическому мультикультурному общению, не только терпимость в плане социально-территориального взаимодействия, но и определенную этнокультурную компетентность, позволяющую адекватно определять формы и характер кросс-культурного взаимодействия. Мультикультурность современной го-

Формулировка вопроса	Количество ответов «да» – «нет», в %					
1. Считаете ли Вы возможным породниться с представителями других национальностей посредством брака?		да	нет		да	нет
	Красноярск	48	52	Москва	27	73
	Пермь	41	59			
	Екатеринбург	36	64			
	«да» меньше «нет»			«да» значительно меньше «нет»		
2. Считаете ли Вы возможным для себя иметь друзей среди представителей других национальностей?		да	нет		да	нет
	Красноярск	90	10	Москва	60	40
	Пермь	82	18			
	Екатеринбург	89	11			
	«да» значительно больше «нет»			«да» больше «нет»		
3. Считаете ли Вы возможным для себя работать с представителями других национальностей?		да	нет		да	нет
	Красноярск	93	7	Москва	59	41
	Пермь	93	7			
	Екатеринбург	93	7			
	«да» значительно больше «нет»			«да» больше «нет»		
4. Считаете ли Вы возможным для себя жить с представителями других национальностей?		да	нет		да	нет
	Красноярск	81	19	Москва	59	41
				Екатеринбург	60	40
				Пермь	61	39
	«да» значительно больше «нет»			«да» больше «нет»		
5. Считаете ли Вы возможным для себя обрадоваться при появлении в Вашей студенческой группе студентов других национальностей?		да	нет		да	нет
	Пермь	44	56	Москва	52	48
				Екатеринбург	57	43
				Красноярск	59	41
	«да» меньше «нет»			«да» больше «нет»		

Таблица 1 Распределение ответов на вопросы по шкале Э. Богардуса

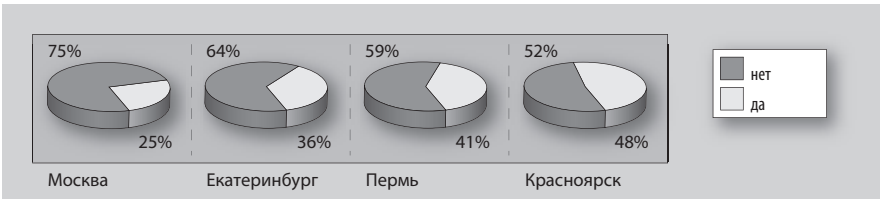


Рис 1. Оценка респондентами возможности заключения брака с представителями других национальностей

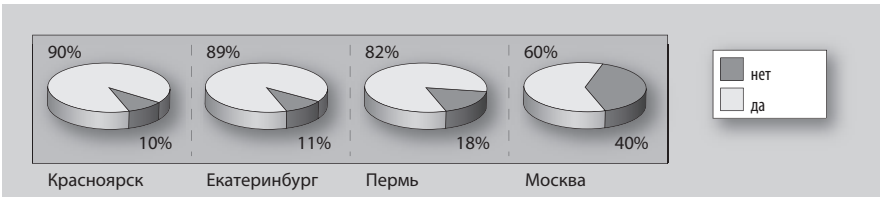


Рис 2. Оценка респондентами возможности иметь друзей – представителей других национальностей

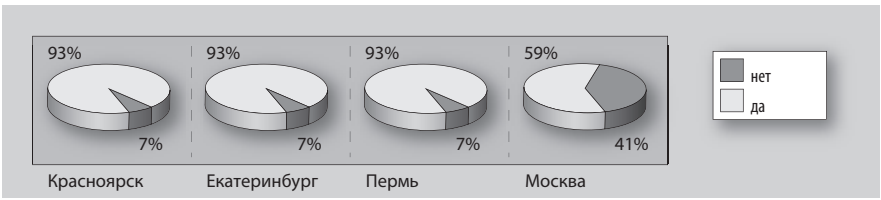


Рис 3. Оценка респондентами возможности работать с представителями других национальностей

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

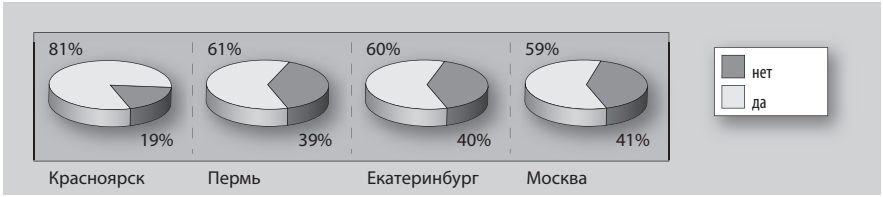


Рис.4. Оценка респондентами возможности жить с представителями других национальностей

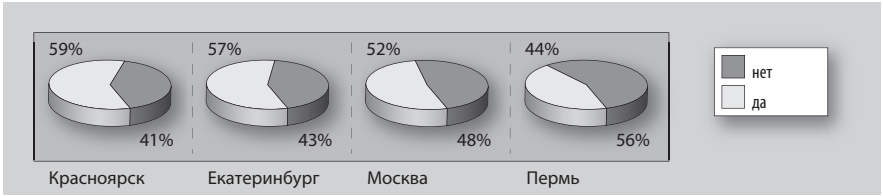


Рис.5. Оценка респондентами возможности обрадоваться при появлении в студенческой группе студентов других национальностей

Название города	Количество баллов, набранных студентами	Уровень принятия других	Тип реагирования во время общения
Москва	59	Средний показатель принятия других с тенденцией к высокому	Тенденция к проактивному реагированию
Екатеринбург	54		
Красноярск	51		
Пермь	49		

Таблица 2. Характеристики социальной дистанции

родской среды, дифференциация возможностей разных субкультур стремительно развиваются, но, вместе с тем, проявляются и факты «безразличия к праву «Другого» быть иным, невнимания к целям совместимости, контекстуального взаимодействия» (Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., 2011, С. 25).

Если рассматривать студентов как представителей конкретного региона и конкретной региональной культуры, то с учетом того, что они наиболее точно передают настроение жителей региона (по сути, они отражают не столько свое личное, сколько существующее в их ближайшем социальном окружении мнение о том, что происходит вокруг), то с определенной долей вероятности можно считать, что аналогичные ответы даст и остальное население соответствующих регионов. Можно также предположить, что ответы студентов отражают направленность политики региональных властей в сфере экономики и культуры. То есть, ответы студентов отражают не столько этническую, сколько региональную ментальность и по характеру их ответов можно судить об уровне социокультурной автономии.

С помощью методики «Диагностика принятия других» В. Фейя были выявлены следующие характеристики социальной дистанции у студентов: уровень принятия других и тип реагирования во время общения (табл. 2).

Все респонденты, независимо от региона, который они представляют, показали средний показатель принятия других (с тенденцией к высокому) и тенденцию к проактивному реагированию во время общения, причем максимальный результат имеют студенты Москвы. Поскольку проактивное (проэктивное) реагирование подразумевает наличие паузы между стимулом и реакцией для осмысления и выбора наилучшей реакции, проактивные люди, по мнению автора методики, обладают свободой в выборе реакции на то либо иное событие. Для проактивной реакции необходимо принятие, признание и уважение самого себя. Поскольку к другим мы относимся так же, как и к самим себе, то принятие себя становится решающим в принятии других. Можно предположить, что все наши респонденты имеют тенденцию к высокому уровню принятия, признания и уважения самих себя и, соответственно, других, а также хорошие характеристики по умению управлять собой и подавлять вспышки эмоций.

Сопоставив результаты обеих методик, можно отметить следующее: чем выше результаты по методике В. Фейя, тем большую автономию проявляют респонденты в ответах по Э. Богардусу (тем выше уровень социокультурной автономии респондентов). Другими словами, тем выше уровень принятия, признания и уважения самих себя и, соответственно, других. Чем выше склонность к осмыслению и выбору наилучшей реакции при взаимодействии, тем большую автономию ответов на вопросы о характере межкультурных связей с представителями других национальностей можно наблюдать у представителей региона, тем выше у них уровень регионального культурного эгоцентризма. Наиболее сильно эти характеристики выражены у представителей московского региона.

Развивающаяся сегодня автономизация индивидов, их отделение от институализированных социальных взаимодействий создает возможность для образования социальных связей и общностей, соответствующих их потребностям, стереотипам, форматам интерпретации действительности.

«Истинному познанию окружающего мира всегда предшествует самоинтерпретация, т.е. интерпретация индивидом своего собственного переживания в терминах собственного контекста значений. Истинное понимание может осуществиться только при условии действия постулата о другом «Я», обладающем сознанием, структурно аналогичным собственному сознанию индивида. Интерпретация определяет формат осознания человеком своей безопасности, что во многом зависит от его понимании и смыслового наполнения состояния безопасности» (Зинченко Ю.П., 2011, С. 9).

Анализ кросс-культурных предпочтений студентов из различных регионов демонстрирует потенциал диалогических форм дискурсивных практик, диалогических подходов к интерпретации групповой совместимости на базе социокультурных структур понимания и взаимопонимания.

Проведенное нами исследование охватывает одну из составляющих отношения студентов крупных регионов России к представителях других национальностей.

В современном быстро меняющемся мире социальное представление на уровне обыденного сознания является сложной саморазвивающейся, весьма динамичной системой. Специфика изучения данного феномена обусловлена тем, что в соответствии с теорией

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

С. Московиси «социальные представления – это своего рода теории, создаваемые людьми в коммуникациях и используемые для облегчения процесса коммуникации» (Moscovici S., 2001, P. 23). «Наивный ученый», или пресловутый «человек с улицы» не может придумать здравый смысл. Здравый смысл, обыденные знания порождаются в процессе бесчисленных взаимодействий, коммуникаций, диалога между людьми. Одна из важнейших функций таких знаний, по мнению С. Московиси, заключается в объяснении различных событий, явлений и объектов, в придании смысла окружающему миру. Социальные представления наполняют также смыслом наше поведение и социальные отношения. В условиях быстро меняющейся реальности и наличия неопределенности в сегодняшнем обществе возрастает роль социального микро- и макроокружения в формировании представлений об окружающей действительности. Как указывают А.И. Донцов и Ю.П. Зинченко, «...в современной ситуации необходимо трактовать безопасность, исходя из глобальной, а не организационной, национальной или даже международной перспективы» (Донцов А.И., Зинченко Ю.П., 2011, С. 14). Представления социальны, поскольку вырабатываются и используются коллективно. Они включают в себя информацию, убеждения, мнения, образы, установки в отношении объекта представления. Эти составляющие, будучи организованными и структурированными, образуют определенный тип когнитивной системы (Abric J.-C., 2001, P. 45).

Представление в обыденном сознании людей является сложной саморазвивающейся динамичной системой. Изучение подобных систем приводит к тому, что, «...меняется характер научной деятельности, на передний план все чаще выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности» (Зинченко Ю.П., Первичко Е.П., 2012, С. 37), исследования в рамках так называемой «постнеклассической науки». Однако «... следует признать, что постнеклассический дискурс все еще остается не вполне освоенным отечественной психологической наукой» (там же, С. 37).

По мере глобализации экономических и социокультурных взаимодействий усиливается процесс образования мультикультурных групп институализированного или сетевого характера. Общение в мультикультурной среде таких групп предполагает определенную адаптацию через познание и снятие индивидуального и социального опыта другой культуры, ассимиляцию элементов поведенческих норм. «Учитывая сделанные оговорки, можно согласиться с тем, что индивидуальный опыт «включает» трансформированный общественный опыт. Но включает в «растворенном» виде, присутствуя в каждом элементе опыта, сформированном индивидом, развивающимся в культуре» (Александров Ю.И., Александрова Н.Л., 2009, С. 64).

В поисках предпочтительных стратегий взаимодействия, оптимальных направлений межкультурных коммуникаций и взаимопонимания существенную роль играет не только эмоциональная привлекательность, но и рациональность выбора, обусловленного контекстуально и кросс-культурно

В поисках предпочтительных стратегий взаимодействия, оптимальных направлений межкультурных коммуникаций и взаимопонимания существенную роль играет не только эмоциональная привлекательность, но и рациональность выбора, обусловленного контекстуально и кросс-культурно, «желание соответствовать определенной нормативной модели и постоянная работа над тем, чтобы подтверждать это соответствие» (Zinchenko Y.P., Perelygina E.B., 2013, P. 108).

Учитывая социальную обоснованность выбора молодым поколением коммуникативных и поведенческих стратегий и существующую в российской литературе критику ряда избирательных форм и пристрастий, обратимся к концепции американских ученых, анализирующих несоответствие социально-поведенческих моделей молодежи ценностям и ожиданиям взрослых. «Приписываемые молодежи характерные черты, которые вызывают тревогу у взрослых, весьма разнообразны, но, как правило, они служат выражением одной из двух взаимопротиворечивых тем: это либо бунтарство (под видом политического или морального радикализма, преступности, склонности к богеме), либо апатия в таких формах, как безответственный гедонизм или слепой конформизм по отношению к принятым взрослыми критериям нравственности, набожности или школьной успеваемости» (Бидуэлл Ч., 1972, С. 297).

Эти описанные Ч. Бидуэллом факторы не утратили своей значимости и в наши дни. Но сейчас появилось и стремительно выросло внимание к представлениям о социальной дистанции с представителями других этнических общностей, к собственной национальной идентичности. В параметры значимых «Других» все больше входит этническая идентичность при сохранении критериев морально-нравственных характеристик и социального статуса.

Разрабатывая проблематику общения в этнокультурной среде, Л.Ф. Гайсина предлагает перспективное определение мультикультурной среды как «сосуществование и взаимодействие в конкретном социальном пространстве разнообразных, равноправных и равноценных культур, подразумевающее также и позитивное отношение личностей к этому разнообразию» (Гайсина Л.Ф., 2011). Это идеальное представление пока существенно расходится с реальными предпочтениями определенной части граждан – представителей национального большинства в стране.

На уровне стратегии социальных взаимодействий выбор идет преимущественно между исключающей моделью национальной идентичности и мультикультурной моделью идентичности. Зарубежные исследователи приходят пока к неоптимистичному выводу: «Высокоразвитые ка¬питалистические страны, в общем, являются плохими катализаторами культур¬ного изменения, и особенно в либерально-демократических обществах, где они лишены монополии в сфере образования и культурной деятельности. Если они хотят претворить в жизнь настоящий мультикультурализм, то должны будут получить поддержку от более просвещенного и мультикультурного гражданского общества. Но ресурсы для этого часто оказываются чрезвычайно малы и несовершенны» (Хелд Д., 2004, С. 384).

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

Трудности групповой совместимости в мультикультурной среде связаны с тем, что в нашей стране и в зарубежных странах отдельные группы иммигрантов или национальных меньшинств не хотят принимать участия в процессе ассимиляции с законами, обычаями, ценностями, языком страны проживания

Трудности групповой совместимости в мультикультурной среде связаны с тем, что в нашей стране и в зарубежных странах отдельные группы иммигрантов или национальных меньшинств не хотят принимать участия в процессе ассимиляции с законами, обычаями, ценностями, языком страны проживания. В таком случае предлагается не фетишизировать толерантность, поскольку иначе придется признавать приемлемость каннибализма, сохранившегося в Океании, или ограничение в избирательных и гражданских правах женщин, имеющих место в ряде стран и т.п. Развивая такой подход, Л. Любимов указывает: «Воспитание в России должно быть не столько поводом для продвижения толерантности, сколько способом обновления культуры, поиска и формирования культурного консенсуса, способного не консервировать многочисленные культурные различия, а акцентировать и отдавать приоритет культурной общности, ценностной консолидации» (Любимов Л., 2010, С. 104).

Специфические особенности национального языка, в которых отображен уникальный социально-исторический опыт национальной общности, создают для его носителей не какую-то иную картину мира, отличную от объективно-существующей, а лишь придают ей специфическую окраску, обусловленную национальной значимостью тех или иных предметов, явлений или процессов, образом жизни и национальной культурой

Для поиска культурного консенсуса необходимы определенные способности и установки. Перечень факторов (мотивов, ценностей, стимулов), способствующих групповой совместимости в ходе межнационального общения, достаточно велик, к числу важнейших из них относится кросс-культурная коммуникативная компетентность, которую, при достаточно широком подходе можно понимать как «индивидуальную способность адаптироваться в новой культурной среде» (Смагина А.С., 2010).

Кросс-культурная компетенция подразумевает не только знание языка страны пребывания и других национальных языков, но и взаимосвязь языка и картины мира. Об этом же свидетельствуют тезис В. фон Гумбольта о «лингвистической обусловленности восприятия мира» (Тер-Минасова С. Г., 2008, С. 18), позиция Й.Л. Вайсгербера, который ввел понятие «языковой картины мира», теория лингвистической относительности Э. Сепира, теория лингвистического детерминизма Б. Уорфа и пр. Нужно учитывать, что специфические особенности национального языка, в которых отображен уникальный социально-исторический опыт национальной общности, создают для его носителей не какую-то иную картину мира, отличную от объективно-существующей, а лишь придают ей специфическую окраску, обусловленную национальной значимостью тех или иных предметов, явлений или процессов, образом жизни и национальной культурой. Язык является не только отражением реального мира, окружающего человека, но и определяет в той или иной мере общественное самосознание народа, его менталитет, характер восприятия действительности. Язык «есть орудие сознания и элементарной обработки мысли и, как орудие, условливает приемы умственной работы» (Потебня А.А., 1993, С. 75).

Оптимальность и плодотворность межкультурного взаимодействия достигается лишь тогда, когда, обладая культурными и коммуникативными компетенциями и оперируя соответствующими категориями, представители разных культур оказываются способны преодолевать различные социально-коммуникативные барьеры, возникающие из-за недостаточно хорошего владения языком общения или неполного знания культурных норм и правил

Основные аспекты кросс-культурной коммуникативной компетентности достаточно традиционны: когнитивный аспект, мотивационный аспект, поведенческий аспект. Межкультурное взаимодействие реализуется благодаря интегративным навыкам коммуникативной компетенции, которой обладают субъекты межкультурной коммуникации. Однако оптимальность и плодотворность межкультурного взаимодействия достигается лишь тогда, когда, обладая культурными и коммуникативными компетенциями и оперируя соответствующими категориями, представители разных культур оказываются способны преодолевать различные социально-коммуникативные барьеры, возникающие из-за недостаточно хорошего владения языком общения или неполного знания культурных норм и правил. При этом объективная потребность межкультурного диалога, обусловленная тем, что человек «нуждается в ощущении своей связи с окружающим миром, другими людьми, в принадлежности к определенным социальным группам и общественным структурам» (Зотова О.Ю., 2011, С. 85).

Кросс-культурная коммуникативная компетентность выступает сложным многокомпонентным феноменом, позволяющим субъекту межкультурного взаимодействия постоянно совершенствовать свои коммуникативные умения и способности на основе более полного понимания поведения партнера по общению. В качестве дополнения приведем практико-ориентированную позицию Л.В. Ковтун: «Более широкая трактовка понятия межкультурного общения не только как межэтнического или межнационального, но также как общения между людьми, относящимися к разным культурным или субкультурным группам, позволяет рассматривать межкультурную компетенцию как средство оптимизации отношений между представителями разных поколений, конфессий или политических партий» (Ковтун Л.В., 1999, С. 8).

При всей несомненной значимости взаимоотношений политических партий и конфессий, групповая совместимость (на основе тех или иных кросс-культурных предпочтений) формируется на базе межличностных взаимосвязей. Процесс выбора уровня приемлемости тех или иных ценностей,

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

определенных социокультурных норм носит рациональный характер. Однако Л. Фейербах писал: «Что касается человека, то разум есть отношение, которое на деле находится, собственно говоря, в противоречии с его монотеистической сущностью; это связь человека с человеком, тождество Я и Ты» (Фейербах Л., 1974, С. 377).

Поэтому важно, чтобы образовательный процесс мог определяться различными алгоритмами кросс-культурных взаимодействий «Я» и «Ты», чтобы образование выступало сферой межкультурного диалога, формирования кросс-культурной компетентности. Нельзя не признать справедливость точки зрения американских исследователей: «Мы утверждаем, что индивидуальная вариативность социально-доминантной ориентации может быть достоверно измерена во многих других обществах и она покажет те же самые образцы отношения к идеологии, политическим установкам и ролевым иерархиям» (Pratto F., Sidanius J., Stallworth L. M., Malle B.F., 1994, P. 755).

Развитие исследований групповой совместимости в такой сложной и многофакторной ситуации, какой является соприкосновение, столкновение, взаимообогащение культур, даст новые материалы для понимания закономерностей совместимости и практических технологий ее формирования

Развитие исследований групповой совместимости в такой сложной и многофакторной ситуации, какой является соприкосновение, столкновение, взаимообогащение культур, даст новые материалы для понимания закономерностей совместимости и практических технологий ее формирования.

Уровень психологической совместимости в группе обусловливается и интегративными факторами, и особенностями дифференцированности элементов группы. Гибкость в понимании и выстраивании стратегической линии на упорядочивание «броуновского движения» в полиэтнических группах, коллективах, средах для достижения целостности при наличии факторов кросс-культурных различий – это сложная, но необходимая задача.

Литература:

Александров Ю.И. Субъективный опыт, культура и социальные представления / Ю.И. Александров, Н.Л. Александрова. – Москва : Институт психологии РАН, 2009. – 319 с.

Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39-50.

Багарян Р.А. Социально-психологические условия устойчивости межэтнического брака: дис. … канд. психол. наук / Р. А. Багарян. – [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2009.

Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Ч. Бидуэлл. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 297-313.

Большакова А.С. Сущностные характеристики мультикультурного коммуникативного воздействия // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2011. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 107-110.

Гайсина Л.Ф. Общение в мультикультурной среде – первый путь к этнотолерантности. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://conf-vlad.narod.ru/38.html

Глобальные трансформации : политика, экономика и культура / Дэвид Хелд и др. ; пер. с англ. В.В. Сапова и др. – Москва : Праксис , 2004. – 575 с. : ил., карты, табл.

Донцов А.И. Корпоративная безопасность в условиях глобализации / А.И. Донцов, Ю.П. Зинченко // Вестник Московского университета, Серия «Психология». – 2011. – № 4. – С.12-17.

Донцов А.И. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий / А.И. Донцов, Е.Б. Перелыгина // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». – 2011. – № 4. – С. 24-32.

Зинченко Ю.П. Психология безопасности как социально-системное явление / Ю.П. Зинченко // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». – 2011. – №4. – С.4-11.

Зинченко Ю.П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия / Ю.П. Зинченко, Е.П. Первичко // Национальный психологический журнал. – 2012. – №2. – С. 32-45.

Зотова О.Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп / О.Ю. Зотова // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». – 2011. – №4. – С.84-91.

Ковтун Л.В. Социальная адаптация личности в условиях межкультурного общения: автореферат дис…. канд. культурологии. – Москва, 1999. – 23 с.

Любимов Л. Осторожнее с толерантностью // Газета «Ведомости». – 7 сентября. – 2010.

Потебня А.А. Язык и народность / А.А. Потебня // Мысль и язык. – Киев, 1993. – 192 с.

Смагина А.С. Эффективность работы мультикультурных команд. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://jurnal.org/articles/2010/sociol6.html

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/SIOVO, 2008. – 334с.

Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 3. / Л. Фейербах ; под общ. ред. М.М. Григорьяна. – Москва : Мысль, 1974. – 486 с.

Abric J.-C. A structural approach to social representations // Deaux K., Philogene G. (eds). Representations of the social: Bridging theoretical traditions. – Oxford : Blackwell, 2001. – P. 42-47.

Dontsov A.I., Perelygina E.B. Tense situations and the significance of stability for psychological security // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – 6(2). – 20-31.

ISSN 2079-6617
© **Lomonosov Moscow State University**, 2014

Moscovici S. Why a theory of social representations? // Deaux K.,Philogehe G. (eds). Representations of the social: Bridging theoretical traditions. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 18-41.

Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. // Journal of Personality and Social Psychology 67. – 1994. – no. 4. – URL: http://nrs.harvard.edu/um-3 :HUL.InstRepos:3207711

Zinchenko Y.P., Perelygina E.B. A Secure City: Social-psychological Aspects // Procedia – Social and Behavioral Sciences 86. – 2013. – P. 104-109.

Zinchenko Y.P., Zotova O.Y. Social-psychological Peculiarities of Attitude to Self-image with Individuals Striving for Danger // Procedia – Social and Behavioral Sciences 86. – 2013. – P. 110-115.

References:

Alexandrov, Y.I. (2009) Sub'ektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya [Subjective experience, culture and social representations] Alexandrov, Y.I., & Alexandrova, N.L. Moscow, Institut psihologii RAN, 319.

Andreeva, G.M. (2013) Sotsial'noe poznanie i sotsial'nye problemy [Social cognition and social problems]. Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [National psychological journal]. 1 (9). 39-50.

Bagaryan, R.A. (2009) Social'no-psihologicheskie usloviya ustoychivosti mezhyetnicheskogo braka: Dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk [Socio-psychological conditions of stability of interethnic marriage: Thesis Ph.D. in Psychology [Tambovskiy gosudarstvennyy universitett imeni G.R. Derzhavina] [Derzhavin Tambov State Universiry]. Tambov.

Bidwell, Ch. (1972) Molodezh' v sovremennom obshhestve [Youth in modern society] Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy. Problemy. Metody [American sociology. Prospects. Problems. Methods]. Moscow, Progress, 297-313.

Bolshakova, A.S. (2011) Sushhnostnye harakteristiki mul'tikul'turnogo kommunikativnogo vozdeystviya [The essential characteristics of a multicultural communicative action] Izvestija Saratovskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika» [Proceedings of Saratov University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. Vol. 11, Series 3, 107-110.

Dontsov, A.I., & Perelygina E.B. (2013) Tense situations and the significance of stability for psychological security. Psychology in Russia: State of the Art. 6(2), 20-31.

Gaysina, L.F. Obshhenie v mul'tikul'turnoy srede – pervyy put' k etnotolerantnosti [Communicating in a multicultural environment – the first way to etnotolerantnosti]. – Electronic resource. – Mode of access: http://conf-vlad.narod.ru/38.html

(2004) Global'nye transformatsii: politika, ekonomika i kul'tura [Global transformations: politics, economics and culture]. Held, David et al., translated from English by Sapova, V.V. et al. Moscow: Praksis, 575. Ill., Maps, Tables.

Dontsov, A.I. (2011) Korporativnaya bezopasnost' v usloviyakh globalizatsii [Corporate security in the context of globalization] Dontsov, A.I., & Zinchenko, Yu.P. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya» [Bulletin of Moscow University, Series 14 "Psychology"]. 4, 12-17.

Dontsov, A.I. (2011) Problemy bezopasnosti kommunikativnykh strategiy [Security problems of communicative strategies]. Dontsov, A.I., & Perelygina, E.B. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya» [Bulletin of Moscow University, Series 14 "Psychology"]. 4, 24-32.

Zinchenko, Yu.P. (2011) Psikhologiya bezopasnosti kak social'no-sistemnoe yavlenie [Psychology as a social-security system phenomenon]. Zinchenko, Yu.P. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya» [Bulletin of Moscow University, Series 14 "Psychology"]. 4, 4-11.

Zinchenko, Yu.P. (2012) Postneklassicheskaja metodologija v klinicheskoj psihologii: nauchnaja shkola L.S. Vygotskogo [Postnonclassical methodology in clinical psychology: science school of Vygotsky, L.S.] Luria, A.R. Zinchenko, Yu.P., & Pervichko, E.P. Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [National Psychological Journal]. 2, 32-45.

Zotova, O.Yu. (2011) Potrebnost' v bezopasnosti u predstaviteley raznykh social'no-ekonomicheskihh grupp [The need for security in representatives of different socio-economic groups] Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14 «Psihologija» [Bulletin of Moscow University, Series 14 "Psychology"]. 4, 84-91.

Kovtun, L.V. (1999) Sotsial'nayya adaptatsiya lichnosti v usloviyakh mezhkul'turnogo obshheniya: avtoreferat dissertatsiya kandidata kul'turologii [Social adaptation of the individual in terms of intercultural communication: Thesis Ph.D. in Cultural Studies]. Moscow, 23 p.

Lyubimov, L. (2010) Ostorozhnee s tolerantnost'yu [Careful with tolerance] Gazeta «Vedomosti» [Newspaper "Vedomosti"], September 7.

Potebnya, A.A. (1993) Yazyk i narodnost' [Language and nationality] Mysl' i yazyk [Thought and Language]. Kyiv, 192.

Smagina, A.S. Effektivnost' raboty mul'tikul'turnykh komand [The effectiveness of multicultural teams]. – Electronic resource. – Mode of access: http://jurnal.org/articles/2010/sociol6.html

Ter-Minasova, S.G. (2008) Voyna i mir yazykov i kul'tur [War and Peace between languages and cultures]. Moscow, SLOVO, 334.

Feuerbach, L. (1974) Istoriya filosofii. Sobranie proizvedeniy v trekh tomakh. [History of Philosophy. Collected works in three volumes]. Ed. By Grigoryan, M.M. Moscow, Mysl', Vol. 3, 486 .

Abric, J.-C. (2001) A structural approach to social representations. Deaux, K., Philogene, G. (eds). Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Oxford, Blackwell, 42-47.

Moscovici, S. (2001) Why a theory of social representations? Deaux, K., Philogehe, G. (eds). Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Oxford: Blackwell, 18-41.

Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L.M., & Malle, B.F. (1994) Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. Journal of Personality and Social Psychology 67. 4. – Electronic resource. – Mode of access: http://nrs.harvard.edu/um-3 :HUL.InstRepos:3207711

Zinchenko, Yu.P., & Perelygina, E.B. (2013) A Secure City: Social-psychological Aspects. Procedia , Social and Behavioral Sciences 86, 104-109.

Zinchenko, Yu.P., & Zotova, O.Y. (2013) Social-psychological Peculiarities of Attitude to Self-image with Individuals Striving for Danger Procedia, Social and Behavioral Sciences 86, 110-115.